

К сожалению, эти общественные противоречия, как правило, не становятся предметом анализа, а в некоторых случаях общественное содержание идейного движения попросту отвергается: так, Хунгер полемизирует с А. Гарнаком и его последователями, видевшими в анахоретстве форму протеста против обмирщения церкви, и объясняет уход в пустыню внутренним саморазвитием аскетического идеала (стр. 233 и сл.).

Что касается отдельных сторон византийской общественной и идейной жизни, то многие из них обрисованы в книге Хунгера с большим мастерством. Так, вслед за Э. Иванка Хунгер рассматривает учение Григория Нисского о сотворении мира как попытку преодолеть противоречие между неоплатонической теорией эманации и дуализмом (стр. 333); мысль эта весьма плодотворна и может многое объяснить не только в теологии Григория, но и вообще в принципах христианства — своеобразной религии «снятого дуализма». Очень удачно показан Хунгером церемониал императорского дворца и особенно связь культа василевса с религиозным культом (гл. II, §§ 3—4); крайне интересен анализ использования неоплатонического наследия в ареопагитике (гл. V, § 2). Остроумно трактуются отдельные памятники византийского искусства, напр., знаменитый ларец из Вероли (стр. 207 и сл.), в резьбе которого Хунгер усматривает ироническую трактовку материала.

В методике Хунгера примечательно еще и то, что он постоянно стремится отметить сложность и противоречивость действительности: непоследовательность законодательства Льва VI о рабах (стр. 168), противоречивое отношение Иоанна Златоуста к ристаниям, которые он проклинал, но образами которых пользовался постоянно (стр. 187 и сл.)...

При моделировании общества, существовавшего целое тысячелетие, его изменение во времени всегда порождает большие трудности. Хунгер не принадлежит к той группе западных византинистов, которые — как И. Караяннопулос — отрицают наличие сколько-нибудь серьезных перемен в общественном строе империи. В частности, Хунгер со всей определенностью говорит о ряде новых явлений в жизни Византии в VII в. (стр. 349) и между прочим о том, что славянские вторжения привели к улучшению положения в деревне (стр. 166). Он признает, далее, существование «далеко зашедшей феодализации» к моменту латинского завоевания (стр. 30). Возникает вопрос, в какой мере оправдано включение в одну модель столь разнородных общественно-политических явлений, как универсально-средиземноморская держава Константина — Юстиниана и феодальные княжества, какими были Никейская империя, Морья или, к примеру, обломки Ромейского царства при Мануиле II.

Книга Хунгера вызывает споры, но споры, сулящие быть плодотворными. Она будит мысль и помогает двигаться вперед.

А. К.

P. LEMERLE. THOMAS LE SLAVE.— «Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines. Travaux et mémoires», I, 1965, p. 255—297

Так уже повелось, что новые работы французского византиста Поля Лемерля регулярно разбираются и анализируются на страницах «Византийского временника». Это не случайность: работы Лемерля отличаются две особенности — смелость в постановке больших проблем и тщательность в анализе источников; он пересматривает традиционные представления, касающиеся не каких-либо второстепенных, но именно центральных эпизодов византийской истории; его рассуждения всегда плодотворны, если даже не всегда достаточно убедительны.

Задача рецензируемой статьи — пересмотреть все, что мы знаем о восстании Фомы Славянина, и взвесить, что является достоверным и что — сомнительным. Главное — оценка характера движения — содержится в конце статьи, и я поэтому позволю себе начать с конца, с главного. Прежде всего, Лемерль (на мой взгляд, убедительно) показывает, что движение Фомы не было религиозным, не носило «иконопочитательского» характера (стр. 294. Ср. стр. 263). Далее, он показывает, что у нас нет оснований считать восстание Фомы движением негреческих этнических групп (стр. 294 и сл.). После этого он переходит к проблеме социально-экономических корней восстания (стр. 296 и сл.). Методологический принцип сформулирован им следующим образом: «Разумеется, утверждать, что экономические и социальные факторы не играли никакой роли, было бы столь же дурным методом, как и объявлять их определяющими». Не будем поднимать в этой связи проблем философии истории: историки-марксисты придерживаются иных принципов, но, пожалуй, задача рецензии не в том, чтобы убедить Лемерля в их справедливости, а в том, чтобы понять ход его рассуждений. Итак, он говорит — теоретически — о социально-экономических явлениях как об *одном из факторов*, определяющих историческое развитие. А практически?

Практически же он стремится показать, что источники не содержат никаких сведений о социальной программе восстания, а то, что содержат — это лишь lieux